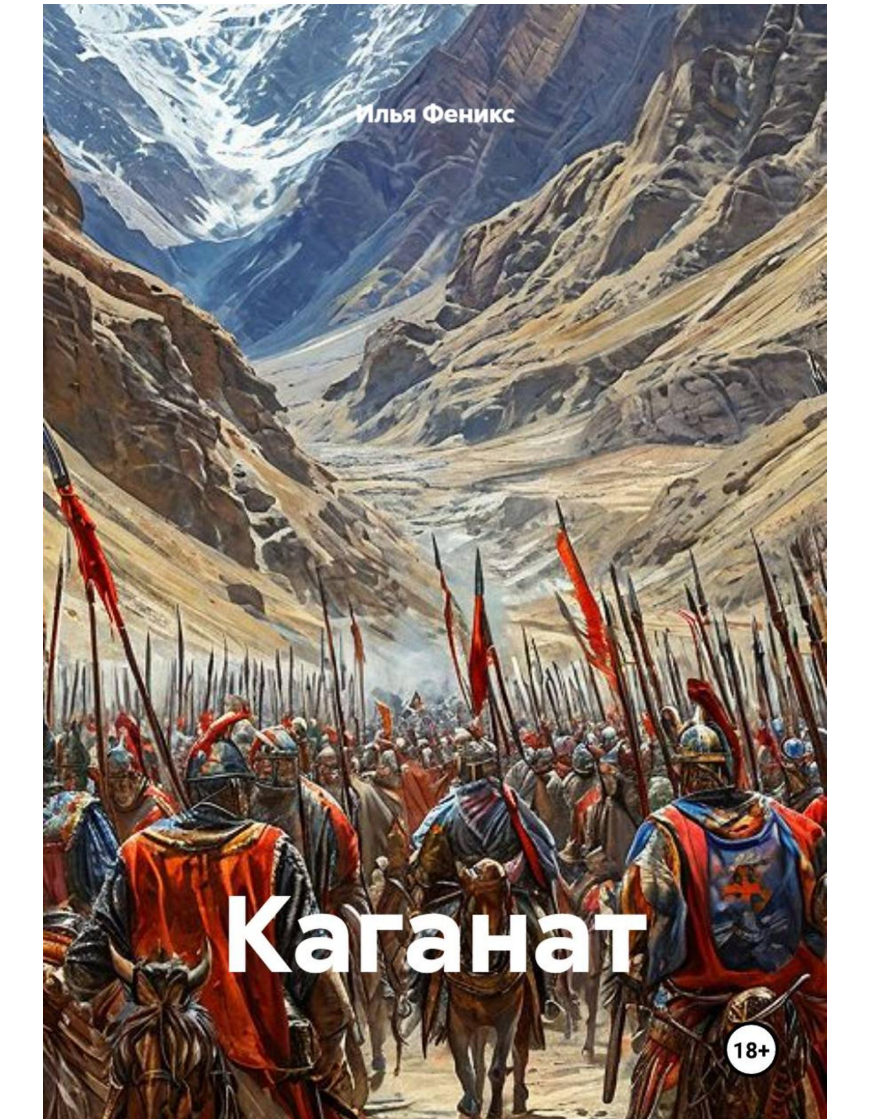

Илья Феникс

Каганат

18+

Илья Феникс

Каганат

<https://litres.ru/74250977>

SelfPub; 2026

Аннотация

Художественное описание падения Уйгурского Каганата в 9 веке нашей эры с нотками мистики.

С принятием новой веры - Манихейства, старые тенгрианские и степные обычаи уйгуров, киргизов, карлуков, монголов и прочих народов Великой Степи стали отходить на второй план, но, постепенно, нарастало всё больше и больше противоречий, что привело к уничтожению государства уйгуров армией киргизов и их союзников под предводительством великого Ажо-кагана.

Содержание

Пролог: Новый Рассвет	4
Часть 1: Гость из Согдианы. Глава 1: Каган	8
Глава 2: Деревня колдунов	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Илья Феникс

Каганат

Пролог: Новый Рассвет

Уйгурский Каганат, конец 8 века нашей эры

Каган Кутлуг взошёл на высокий деревянный помост, вышавшийся над степями Уйгурии, покорившей множество кочевых народов. Священники-согдийцы в белых одеждах пели песни на странном непонятном языке, возводя к небу голоса, глаза и посохи, цитируя «Сокровищницу Жизни» пророка Мани. Вокруг стояло великое множество народа. Были здесь и знатные, и воины, и простой кочевой люд, и люд оседлый, а также просто любопытные, пришедшие посмотреть на то, как каган принимает новую веру пророка Мани и отказывается от веры в Бескрайнее Синее Небо.

Белые стены столицы каганата, Орду-Балыка, поднимались над степью неподалёку, символизируя о начале новой цивилизации и постепенному переходу от кочевого образа жизни к феодальной культуре по образу династии Тан и согдийских марзапанатов.

Когда первый луч восходящего солнца пал на стены горо-

да, Ямаг, или по-другому первосвященник, прибывший из самого Самарканда, поднял чашу с водой и вылил её на голову преклонившегося кагана.

- Клянёшься ли ты боле не почитать идолов? – спросил он Кутлуга.

- Клянусь, - ответил каган, шмыгнув носом от ледяной воды.

- Клянёшься ли ты не лгать, не стяжать, не прелюбодействовать, не убивать и не красть?

- Клянусь, - сказал каган громче, чтобы все его слышали.

- Клянёшься ли ты быть усердным, не обманывать, не иметь двух мнений и не учить магии?

- Клянусь!

Ямаг удовлетворённо кивнул и подал кагану кубок с водой и ритуальную чашку с рисом. Кутлуг залпом опрокинул чашку в рот, прожевал и затем запил водой.

- Принимаешь ли Мани как своего пророка? – спросил священник.

- Принимаю Мани как пророка своего! – ответил каган и поднялся на ноги во весь рост.

Двенадцать священников-манихеев у помоста запели во весь голос на персидском, цитируя слова пророка Мани:

Живой Параклет сошёл на меня и говорил со мной.

Он открыл мне скрытое таинство, которое было сокрыто от миров

И поколений,

Тайное учение о Глубине и Высоте.

Открыл он мне тайное учение о Свете и о Тьме,

И о Великом Сражении и Последней Войне...

Каган отряхнул колени, выпрямился и провозгласил, обращаясь к народу:

- Мы были невежественны в прошлом, поклонялись идолам и называли демона Буддой, теперь мы уже не повторим таких ошибок! Слава Мани!

- Слава Мани! Слава Мани! – повторили за ним Ямаг и священники.

Уйгурские воины начали стучать о землю копьями, ударять саблями о щиты и потрясать в воздухе луками, повторяя за своим каганом священные лозунги манихейства. Через несколько секунд десятки тысяч голосов уже приветствовали, по крайней мере на словах, обращение своего правителя в новую незнакомую веру.

- Жаль деда нет с нами, - тихо сказал сын кагана, 25-летний Кюлюг-Бильге, обращаясь к своему дяде Алп-Кутлугу. – Интересно, что бы он сказал на это...

- Такие слова опасны, юный принц, - ответил ему седовласый верховный маршал каганата. – Надеюсь, что в этом шуме их никто не услышал, кроме моих ушей.

Принц вздохнул и нервно сжал рукоять своего пчака (1) на поясе. Он никогда не был ревностным и воинственным

тенгрианином как его дед Ачдо-хан, которому удалось разгромить даже Тибетскую Империю, но и чужая вера из далёких краёв вызывала у него беспокойство и страх перед неизвестностью.

«Мой дед сплотил страну во время смуты и укрепил её, мой отец вводит новые порядки, а что смогу я? – подумал Кюлюг-Бильге. – Если я стану каганом, каким человеком я буду? В ком и где мне искать опору когда отца не станет?»

Немного поразмыслив, он отдал ответ на эти вопросы на плечи грядущего.

- Слава Мани! – слышалось отовсюду. – Слава Мани!

1. Пчак - традиционный кинжал уйгуров.

Часть 1: Гость из Согдианы. Глава 1: Каган

10 лет спустя, тронный зал Орду-Балька

Во дворце было очень шумно, особенно в тронном зале кагана, где собрались согдийские купцы, манихейские священники, а также главы знатных степных родов, в основном уйгурских. Сегодня должно было прибыть посольство от императора Тан, в котором он должен был дать ответ насчёт свадьбы с принцессой Тайхэ.

Пока посол был в дороге, каган Кюлюг-Бильге, занявший трон после смерти своего отца семь лет назад, решил выслушать новости о делах в каганате от своего канцлера, или поновому, астабадха Джуза из Орхона. Канцлер был одет в белые манихейские одежды, как и каган, у него были длинные и густые чёрные усы, а на голове был национальный головной убор уйгуров: шапка-топа с меховым околышем из редкого белого соболя.

- Великий Каган, имею честь представить вам новости о происходящем в стране! – громко сказал астабадх, привлекая внимание собравшихся.

- Говори, Джуз из Орхона, - разрешил Кюлюг-Бильге, а затем бросил быстрый взгляд на свою наложницу из знатного

киргизского рода Йилдыз, которая сидела на ступеньке ниже трона и перебирала чётки. Ему показалось, что она чем-то обеспокоена...

- Каган!

Кюлюг-Бильге слегка дёрнулся и кивнул, давая знак, что он слушает.

- Итак, - Джуз развернул свиток из китайской бумаги. – Киргизы озера Ханьхай (2) сопротивляются принятию новой веры, шаманы сеют смуту, а некоторые вожди негативно относятся к новой политике каганата по разделению населения на десятки для лучшего обращения в веру.

- Я почти не облагаю их налогом, а они бунтуют, - зло буркнул каган, ёрзая на троне. – Я даже взял к себе дочь их вождя в знак доброй воли, а они... Пошлите к ним сотню отборных воинов из Стражей Шёлкового Пути, чтобы они напомнили им о том, кто глава каганата и как нужно его слушаться.

Астабадх сделал пометку пером, а затем перешёл к следующей теме:

- В землях Иртыша, Саура и Джеменейки прошли ужасные ливни, озеро Жайсан вышло из берегов и затопило окрестные степи. Население, скот и посевы очень пострадали.

- Свет гневается на тех, кто отвергает его! – громко провозгласил Первосвященник Мар Абба, тощий от аскеты пожилой согдиец с тёмным лицом и подведёнными чёрным ка-

рими глазами. — Если Свет покарал жителей Иртыша и Саура, значит на то воля Мани, и там было много Тьмы!

Астабадх неловко переступил с ноги на ногу в своих мягких кожаных сапогах, не зная что сказать.

- Я не сомневаюсь в воле Света, - сказал каган. — Но делом Света будет также отправить жителям Иртыша и окрестных провинций помощь. И, если нужно, и с их согласия, они будут переселены поближе к сердцу каганата.

Первосвященник сощурился, но ничего не сказал: несмотря на клятвы, эти дикари всё ещё допускали двойное мнение насчёт святых догматов...

Джуз сделал себе пометку, а затем его тон стал серьёзнее: - Карлуки Таласа, Баласагуна и Барскауна спрашивают кагана: зачем он отвёл свои войска из пограничных гарнизонов в Чаче, Таласе и Баласагуне? Шах Ферганы и эмир Самарканда начали подозрительные передвижения войск в Уструшане и Хайламе, и есть подозрения что они могут потревожить поселения и кочевья карлуков в этом регионе.

- Я же сказал им, что у меня договор с Халифатом, - ответил на это Кюлюг-Бильге. - Теперь эти крепости принадлежат Аббасидам и их вассалам. Если эти земли стали опасными для карлуков, то пусть откочёвывают куда-то подальше от арабов. Теперь это их проблема...

- Свет их защитит, если на то будет воля Мани... - подала голос Йилдыз, выглянув из-под закрывающей её лицо тонкой и прозрачной белой ткани.

- Они язычники и знают только Тьму! – стукнул посохом об пол Мар Абба, и другие Избранные одобрительно постукали своими посохами в ответ и загалдели.

- Тишина, пока идёт доклад! Тишина! – громко стукнул своим копьём об пол верховный маршал, или по-новому эранский спахбед, генерал Паньгуань, по прозвищу Ху Ша-шоу, или Убийца Тигра.

Дождавшись относительной тишины, каган спросил астабадха:

Есть ли новости от енисейских (3) киргизов и хантов нярыма?

- Енисейские киргизы прислали дань пушниной, скотом, лошадьми и несколькими десятками отборных воинов для службы кагану. Но и у них есть вопросы насчёт миссионерской деятельности, которую далеко не все одобряют...

- Свет разгонит Тьму, - сказал Кюлюг-Бильге. – Если они не бунтуют, а лишь ворчат, то пошлите к ним больше миссионеров.

- Сам Мани вложил эти слова в ваши уста! – одобрительно заметил Первосвященник. – Я немедленно займусь подготовкой новой миссии!

Не дожидаясь слов кагана, Первосвященник покинул своё место по правую руку от правителя и быстрыми шагами вышел из тронного зала, вслед за ним потянулись остальные Избранные.

Каган облегчённо вздохнул про себя: не придётся вести

религиозные речи перед китайским послом, когда тот наконец прибудет.

- Ханты прислали дань шкурами и мехом, и лишний раз подтвердили свою готовность жить в вечном мире с нашими людьми. Это всё на сегодня, - закончил свой доклад астабадх.

- А что насчёт отюкенских монголов? – спросил Кюлюг-Бильге.

Джуз прошёлся взглядом по тексту ещё раз.

- Никаких новостей оттуда не поступало. Впрочем, в прошлый раз они отправили двойную дань после удачного набег на соседей...

- Хорошо, можешь идти...

Астабадх кивнул и вышел из зала, повисла неловкая тишина. Один из согдийцев решился выйти на синюю ковровую дорожку и произнёс с большим почтением:

- Великий Каган, от лица торговцев Согдианы, просим вас выслушать нашу нижайшую просьбу и обращение...

Кюлюг-Бильге кивнул и дал знак говорить. Торговец поклонился ещё раз и, тщательно подбирая слова, начал:

- Провинции вокруг озера Лобнор у предгорий Тибета до сих пор не восстановились после войны вашего деда Ачдо-хана против императора Тибета, Цэнпо Пургьяла Гэлу, торговля идёт с большим скрипом, и... - он оглянулся на толпу согдийцев, взглядом ища поддержки, - и поэтому мы просим вас пересмотреть старые торговые договора с учётом уменьшения пошлин и процентов по налогу с дохода...

- Ты можешь говорить громче?! – раздражённо буркнул каган. – Ничего не понял из того, что ты сказал.

- Ну... - замялся согдиец, но его прервали.

- Посол Танской Империи, Ли Чэн, с подарками и ответом на свадебный вопрос! – громко провозгласил вошедший в тронный зал герольд.

Каган махнул рукой в сторону, давая знать торговцу, что сейчас не до него. Тот едва успел отпрыгнуть в сторону, пропуская китайских гвардейцев, сопровождавших пышную богатую процессию посла, пришедшего с множеством танцовщиц, музыкантов и носильщиков подарков.

Впереди процессии шёл сам посол Ли Чэн, одетый в богатую форму китайского чиновника времён династии Тан: красный шёлковый халат с орнаментом в виде золотого дракона, называемый «чаофу», подпоясанный кожаным ремнём с золотой бляшкой с нефритовыми вставками. На голове у него была чёрная шапочка с длинными ушками – убянь – эти шапочки всегда казались кагану очень забавными. На ногах же у него были белые шёлковые штаны – куси, а также чёрные сапоги из дорогой кожи.

- Сыту (4) Ли Чэн, гун (5) Цзюцюаня, троюродный дядя Сына Неба Сянь-цзуна! – объявил вышедший слева от посла сопровождавший его герольд, когда музыка затихла.

- Для меня честь встретиться с ваном уйгуров, - сказал посол на уйгурском, слегка склонив голову и приложив руку к сердцу. – Ваша слава гремит по всей Поднебесной...

- Уйгурский *Каган* приветствует посла Танской Империи, - делая акцент на втором слове, сказал Кюлюг-Бильге, прямо глядя на посла. — Надеюсь, ты принёс хорошие вести?

"Назвали меня «ваном»? — подумал каган. — Я не ваш наместник!"(6)

- Сын Неба слёт вам дары, музыкантов и танцовщиц, дабы усладить вашш царственный взорь и слюх... - уклончиво сказал Ли Чэн. — Также, он вновь завирует васс в дружбе между нашими народами и нашими правителями...

Посол так сильно коверкал слова от волнения, что каган не выдержал:

- *Твой уйгурский ужасен, я могу говорить на твоём языке,* - сказал он по-китайски.

- *Но тогда нас не поймут здесь присутствующие...* - неловко возразил посол, указывая пальцами на людей в тронном зале.

- Дары — это хорошо, - громко сказал Кюлюг-Бильге, - но нам больше интересна свадьба с обещанной нам принцессой Тайхэ. И, посол, не волнуйтесь, мы с вами здесь друзья.

Сыту сглотнул, улыбнулся и, набравшись смелости, произнёс:

- Сын Неба Сянь-цзун очень сожалеет, но вынужден отказать вам в вашей просьбе о свадьбе с его царственной сестрой, так как казна в текущее время не имеет средств на подобные мероприятия... Но не исключает такой возможности в будущем...

Каган сжал руки в кулаки и ударил по подлокотникам трона:

- Это было обещано уже давно! – вскричал он. – Долго ли китайцы будут кормить нас своими обещаниями?!

- Сын Неба очень сожалеет... - повторил Ли Чэн, низко кланяясь и дрожа от страха. – Примите наши скромные дары и дождитесь благоприятной абстаноффи...

- Вон! – крикнул Кюлюг-Бильге. – Оставляй тут свои дары и убирайся обратно к своему императору! И передай ему, что если волку не дают зайца, то волк сам за ним придёт!

Проливая слёзы, сыту в ужасе склонился и попятился назад, давая знак своим людям выйти из зала, уйдя после этого последним и ещё раз поклонившись.

После того, как за танским послом захлопнулись двери, каган подпёр кулаком подбородок, зло вздохнул и обратился к стоявшему рядом эранскому спяхбеду Паньгуаню:

- Как думаешь, он сказал правду?

- Я слышал, что император очень занят борьбой с военными наместниками, - ответил генерал, задумчиво крутя в руке длинный седой ус. – Когда я ещё был младшим офицером у одного из цзедуши (7), они уже тогда плевали в сторону Чанъаня (8).

- Значит... - медленно проговорил каган, - мы не встретим особого сопротивления, если я решу преподать танскому владыке урок о том, что нужно соблюдать свои клятвы и обещания?

- Вероятность успеха довольно велика, - кивнул Убийца Тигра. – Я свяжусь с генерал-губернатором Сиюя, Го Синем, чтобы он послал только номинальные силы для отпора. Он мой старый сослуживец и не должен отказать...

2. Байкал (китайск.)

3. Тюркское название реки – «Кем», но я оставил современное название для удобства читателя.

4. Сыту – один из высших чиновничьих рангов времён династии Тан.

5. Гун – землевладельческий и военный ранг, примерно равный феодальному герцогу.

6. Ван – один из высших рангов, равный по правам королевскому. Обычно давался главам союзных или вассальных племён. Хотя в отсутствие императорской власти крупные землевладельцы могли объявить себя настоящими ванами-царями.

7. Военные губернаторы, набравшие большую силу при Поздней Тан из-за ослабления центральной власти.

8. Столица династии Тан, находившаяся на западе Китая.

Глава 2: Деревня колдунов

Подготовка рейда на Тан продлилась три месяца, чтобы китайцы почувствовали себя в относительной безопасности, думая, что каган уйгуров блефует.

Наконец, в октябре 806 года трёхтысячный отряд, состоявший из 2800 уйгурских багатуров и двухсот Стражей Шёлкового Пути, элитных наёмных воинов, сражавшихся от Чанъаня до Багдада, выдвинулся на юг из Орду-Балыка, беря курс на китайскую провинцию Аньси.

Пройдя через провинции Тэргун-Богд, Адж-Богд и Джу-ян, в начале ноября они огненным вихрем прорвались через слабо охраняемую китайскую пограничную заставу во главе с самим каганом, сея смерть и опустошение на своём пути.

Уйгуры забирали всё ценное, сжигая всё, что не было защищено стенами, а немногочисленные китайские солдаты разбегались прочь кто куда под защиту каменных стен гарнизонов, и население бежало за ними. Степные воины не преследовали их, занявшись поиском добычи. Затем каган приказал выдвигаться восточнее, в Цзюцюань, где они разграбили и сожгли резиденцию Ли Чэна, уведя в плен множество китайских и согдийских женщин и образованных слуг. Причём почти никто из солдат Орду-Балыка не погиб.

Наконец, Паньгуань сказал кагану, что они слишком увлеклись, и что время, выделенное им генерал-губернато-

ром, истекает.

— Ну, хорошо, — сказал Кюлюг-Бильге. — Грузите добычу и пленных на телеги, возвращаемся домой.

Во время отхода внезапно началась ужасная метель, и каган вместе с гвардией Шёлкового Пути потеряли свой отряд из виду, решив проверить что ещё есть на востоке.

— Мы погибнем, если пойдём на север! — крикнул эранский спахбед, пытаясь перекричать завывающий ветер. — Нужно спрятаться в горах! — он указал на возвышающиеся позади тибетские хребты.

— А если там засада?! — крикнул в ответ каган.

— Выбора у нас нет! — что есть силы прокричал Паньгуань.

Уйгурскому кагану не понравилась идея лезть через тангутские перевалы и искать там пещеры или поселения для ночлега, но если бы они остались в степи, то их бы просто замело снегом по самые уши.

— Ладно! — согласился Кюлюг-Бильге. — Спрячемся в горах!

Через час или два им удалось отыскать надёжную тропу, которая вела в тибетские горы. Каган рассчитывал поймать какого-нибудь местного жителя и заставить его отвести их в безопасное место, но, как назло, вокруг не было видно ни души. Верхом на выносливых арабских скакунах, подаренных мудрым халифом Аббасидов Харуном ар-Рашидом в знак мира, уйгурский отряд продвигался вперёд по горной тропе,

прижимаясь к отвесным скалам, защищавшим их от бури.

Наконец, один из персов, входивших в гвардию кагана, отправился вперёд на разведку и притащил с собой низкорослого охотника из тангутов, сжимавшего маленький лук и с колчаном стрел на поясе.

— Где тут ближайшее поселение? — спросил у него каган на китайском.

Тангут взглянул на кагана исподлобья, подумал несколько секунд и сказал на ломаном китайском:

— Здесь есть рядом деревня. Я вести, вы отпустить. Договориться?

— Договориться, — кивнул Кюлюг-Бильге. — Веди. Но если это ловушка, то ты умрёшь очень мучительно.

Тангут повёл их дальше по тропе, сворачивая то вправо, то влево в неприметные проходы, куда с трудом протискивался всадник на лошади. По мере продвижения метель начала внезапно стихать, пока наконец не превратилась просто в ветер с густыми снежными хлопьями. Затем впереди показалась развилка, а над скалой за ней за клубилось несколько столбов дыма. На развилке посередине стоял столб, украшенный перьями и черепами.

— Идти налево вы, — остановившись перед развилкой, сказал тангут, поворачиваясь к кагану. — Я дальше не идти. Плохое место. Но место с домами и едой.

— Ты обещал довести нас до поселения, а сам хочешь бежать? — с подозрением спросил Паньгуань.

— Я дальше не идти, — упрямо повторил охотник.

Каган подъехал к нему на своём вороном скакуне, стоявшим в целом состоянии и покрытым синей тканью с золотыми нитями по краям.

— Значит, ты дальше не идти? — деланно-равнодушно спросил каган.

— Истина, — ответил тангут, переминаясь с ноги на ногу.

Кюлюг-Бильге резко наклонился, схватил тангута за шею, а потом выкинул его в пропасть, словно нашкодившую кошку. Крик охотника быстро потонул в вое ветра.

— Посмотрим, что за деревня такая, — сказал каган. — Айя! — он прищипорил своего скакуна и поскакал вперёд.

Проход показался довольно быстро. Каган и его гвардейцы свернули вправо и оказались на широком плато, где быстро отыскивали проторенную дорогу к тангутским шатрам из выдубленной кожи, видневшимся впереди.

Добравшись до домов тангутов, они узрели непривычную картину: шатры были обложены звериными костями и черепами. На хилых деревцах висели мешочки с резко пахнущими травами, перебивавшими запах дыма и какого-то странного мяса. На стенах шатров были рисунки, но не охрой, а чем-то похожим на засохшую кровь: сцены охоты людей со звериными головами на животных с человеческими чертами лица. Повсюду слышалось странное гортанное пение в низких тонах.

— Это не поселение, — пробормотал Паньгуань. — Это

гнездо.

— Не мели чепухи, — отмахнулся каган.

Отряд вышли встречать татуированные старухи в мешковатой одежде. Странные чёрные линии, похожие на змей, спускались и поднимались по их оголённым рукам и ногам. В лица некоторых были вставлены костяные иглы, а глаза — подведены чёрным.

— *Ньи мбыйй лху вэ?* — неприветливо спросила самая старая из них, один её глаз был уже совсем белый, а дрожащие руки цеплялись за деревянный посох с черепом маленького животного на навершии.

— *Китай? Уйгур?* — спросил каган на разных языках.

Старуха повернулась в сторону более молодой спутницы, очень худой женщины лет пятидесяти с короткими чёрными волосами и костяными серёжками в ушах.

— Вы — есть кто? — спросила она на китайском.

— Путники, что потерялись и ищут укрытие, — ответил Кюлюг-Бильге.

— Здесь укрытие нет, — сказала тангутка. — Уходить далеко.

Каган переглянулся с эранским спахбедом и сказал, положив руку на рукоять сабли:

— Мы только переждём бурю, отдохнём и уйдём. Мы можем заплатить.

Тангутка перевела его речь своей древней спутнице. Та громко и страшно расхохоталась в лицо воинам.

— Ха-ха-ха-ха! Мэ! Мэ-э! Ньи мбый джэя джий!(1) —

она подняла трясущуюся руку и протянула в сторону отряда кагана похожий на коготь морщинистый указательный палец. — Кый нгвэ мый сье зыи!(2)

Старухи мгновенно отступили назад, а из шатров высыпали страшные люди с костяными ритуальными ножами и копьями и набросились на отряд Кюлюга-Бильге словно стая древних демонов.

Их натиск был внезапен: они прыгали на воинов, повисали на лошадях и выкрикивали что-то невразумительное. Откуда-то полетели стрелы с костяными наконечниками, кто-то из воинов закричал от боли — нож тангута торчал у него из глазницы, кровь пролилась на снежную равнину.

— Йаму! — кричали тангуты, нанося удары. — Йаму! Йаму! Ньэ ньи мбый шый кый!(3) — последнюю фразу они произносили словно одно слово.

Их костяные ножи и стрелы не могли пробить железные кольчуги и шлемы уйгуров, арабов и персов или стальные пластины на груди Паньгуаня, но всё же двадцать гвардейцев пали замертво в первые минуты, пока отряд не сгруппировался вокруг кагана и не поднял щиты и копья, защищая правителя.

Дальше началась методичная работа по зачистке поселения, давно знакомая Стражам Шёлкового Пути. Их копья и луки работали непрерывно, пока не осталось никого. Песни и крики странных тангутов затихли, и только снег мягко ло-

жился на окровавленные камни.

— Ух! — Убийца Тигра вытащил свой меч из груди низкорослого тангута в меховом плаще и с костью в носу. — Грязный был бой, и очень нечестный.

— Посмотри на них, Паньгуань, — сказал каган, вытирая свою саблю шёлковым красным платком. — Никто из них не дал бы тебе честный бой.

— Знаете, что самое странное, мой каган? — сказал эранский спахбед, осматривая побоище. — Здесь нет ни одного ребёнка.

— Может быть, дети остались в домах? — предположил один из гвардейцев, тот самый, что поймал охотника.

— О, Мани, они все такие низкорослые, — скривился Кюлюг-Бильге, спешиваясь. — Может быть, дети среди них тоже есть, только не разобрать уже кто есть кто...

Он велел воинам разойтись по шатрам и поискать там горячую еду и выживших, а сам отправился вперёд, где был виден старый каменный алтарь. Это был большой плоский камень, на котором лежали череп волка, семена и перья, а также стояли чашки с дымящимися травами.

Там же он нашёл и выжившую. Древнюю старуху, которая пела:

— Кый лху ный(4) , Йаму! Кый лху ный, Йаму! Кый лху ный, Йаму!

Она повторяла это снова и снова, кланяясь алтарю и поднимая к темнеющему небу узловатые руки с костяными

браслетами. На её ладонях виднелись чёрные семизавитные спирали, соединённые с остальным рисунком на руках толстой чёрной линией на запястьях.

— Эй! — окрикнул её Кюлюг-Бильге на китайском. — Есть ещё люди в поселении?

Словно не слыша его, старуха продолжала свою молитву, став кланяться всё быстрее и быстрее. Раздражённый, каган снёс ей голову саблей, а затем увидел, что перед ней на алтаре лежала обнажённая девочка или низкорослая девушка с такими же татуировками, что и у убитой.

Когда кровь из отрубленной шеи брызнула на лицо девочки и когда каган потянулся к ней рукой, она вдруг резко открыла глаза, пронзив уйгура взглядом абсолютно синих глаз до глубины души.

Каган закрыл глаза и помотал головой: таких глаз у тибетцев или тюрок точно не может быть.

Вновь открыв глаза, он увидел, что девочка плачет и тянет к нему руки:

— Ми-ми! Ми-ми! — повторяла она, а её глаза были цвета светлого янтаря со слегка вытянутыми зрачками, словно у кошки или змейки.

«Так я и думал, — облегчённо вздохнул каган про себя. — Я, наверное, слишком устал за сегодня...»

Он взял девочку или девушку (он точно не знал) на руки, а затем отнёс её в один из домов, дал ей взятый у одного из гвардейцев кумыс, чтобы она согрелась, а затем положил

на меховую лежанку и накрыл тёплой от горевшего внутри костра шкурой. Она быстро уснула, свернувшись клубочком словно котёнок.

Предстояла долгая ночь и долгая дорога.

1 — Да! Да! Вы заплатите! (тангутск.)

2 — Убить их всех! (тангутск.)

3 — Тебе даём эту жертву! (тангутск.)

4 — Усни, засыпай (тангутск.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.